

Выпуск 2/2015

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АЛЬМАНАХ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

EX LIBRIS

Знаковая фигура
Омского
библиотечного
дела

Отделу искусств
«Пушкинки»
50 лет!

Петр Ребрин.
Уникальный
фрагмент военного
дневника

Первый в Омске
Музей Книги

«...Три ночи».
Как это было

ИСТОРИЯ ПРОСПЕКТ КУЛЬТУРЫ
ПЕРСОНАЛИИ КНИЖНАЯ ПОЛКА
ЛЕГЕНДЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА
ПРОЕКТ PLUS БИБЛИОПРОФЕССИОНАЛЫ
В (ЭПИ)ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В КАЖДОМ НОМЕРЕ

ЗАСТРОКАМИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Александр Ремизов

Архивная находка... Есть такое расхожее, несколько интригующее и не очень корректное сочетание слов. Находят то, что потеряно. Архивы же для того и существуют, чтобы надёжно хранить документы и утрат не допускать. Так что «находка» в данном случае – понятие относительное, скорее субъективное. Просто некий документ или документальный массив оказались вдруг в поле зрения историка и таким образом обрели шанс получить более или менее широкую известность...

Есть в нашей библиотеке, как в любом другом учреждении, свой служебный (он же ведомственный) архив. Среди прочего хранятся в нём и личные дела работников, уволенных в тот или иной период времени. «Время» здесь ключевое слово. И когда на блёклой картонной папке полувицветшими чернилами обозначены 1942–1943 годы, возникает оправданное желание поинтересоваться её содержимым.

Типологически это выглядит не очень интересно: заявления о приёме на работу, отпуске, переводе, увольнении. Копии документов об образовании и трудовом стаже, анкеты, докладные и объяснительные записки, поощряющие и наказывающие приказы руководства и т. д. и т. п. Всё это могло показаться скучным, если бы не феномен времени, военного времени.

Прежде всего, поражает сама форма бытования документов – на чём только не писали и не печатали. Какие-то обрывки обёрточной бумаги, фрагменты плакатов, афиш и географических карт, обороты таблиц и диаграмм, обложки и титулы каких-

Автобиография
Пётр Николаевич Бабурин-Пушкин
(«Шахматный») новоселовой Солдат Николаевны Бабурин-Пушкин
одного из селений на берегу реки Салгир в Крыму, в 1881 г.
Я родился 20/4/1870 г. в селе Петровенково Симбирской губернии, в семье местного землемера. В 1881 г.
наш отец, несколько лет был старшим землемером коллежского корпуса,
в 1882 г. был назначен старшим землемером в Симбирск, а в 1883 г. – в Самару. В 1884 г.
Я учился в Самарской гимназии и окончил полный курс с золотой медалью (7 классов без 8-го, специальную педагогическую).
Смерть отца, очень тяжело отразилась на всей последующей жизни нашей семьи, так как он, в состоянии психического расстройства, покончил с собой, 20/4/1885 г., в возрасте 15 лет.
Материально мы, вначале были предлично обеспечены, т. к. у был свой дом в селе: мать, я, сестра и брат получали пенсию и эмбриотуру. Но мать наша была очень слабого здоровья и страшно испугалась, брат был эпилептиком, и мне, как старшей, пришлось с 10-летним возрастом посвятить себя заботам об них обоих, сестра еще учились, а потом стала служить. Я же давала частные уроки и, выучившись, писать, сама обивала свою семью и принимала участие в всех общественных организациях того времени. Со временем постепенно улучшилось здоровье брата и он пошёл школу начальной. Отец умер в январе 1903 г. в госпитале Земельной бригады.

то изданий, куски обоев... Уже одно это настраивает на волну суровых, полных лишений и невзгод военных лет. Конечно же, ощущается присутствие войны и в самих текстах. Вот, к примеру, заявление Клавдии Михайловны Зоммер от 22 июля 1941 года: «Прошу отпустить меня на работу в военный госпиталь, т. к. я желаю оканчивать послеслужбу нашей Красной Армии». А вот сам начальник госпиталя военврач 2-го ранга Лукьянов и его замполит, батальонный комиссар Гуторенков просят «отпустить с работы... тов. Трегуб Марию Филипповну на работу заведующим библиотекой в Омском военном госпитале». Это тоже 1941 год, но до войны ещё три мирных недели... Вот докладная от 9 ноября 1941 года. Работник библиотеки опоздал на 5 минут «по случаю задержания в столовой» («Причину вполне уважительной не считаю. Но это исключительный случай. Иначе поступить не мог»).

В октябре того же 1941 года секретарь сообщает директору: «Довожу до Вашего сведения, что зав. хозяйством...

Сотрудники библиотеки. 1915 г.

ушёл в 12 часов дня и пришёл в 2 часа, в книге ухода не расписался, принёс с собой булку хлеба, через 5 минут опять куда-то поспешил и опять не расписался. Это мое наблюдение не первое». За уход с работы завхоз получил выговор. Уже стечание мер в отношении нарушителей трудовой дисциплины имело место еще в канун войны, соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР вышел в ноябре 1940 года. Так, дело библиотечного переплётчика за однодневный прогул было направлено «в народный суд 5-го участка Куйбышевского района... для привлечения его к ответственности».

Поражает объяснительная одной из сотрудниц, датированная декабрём 1940 года: «Я опоздала на работу на 5 минут исключительно из-за часов. Так как часы «ходили», они шли, а стрелка стояла на месте, что-то испортилось. Ранее опозданий не было...». Другая сотрудница в январе 1941 года тоже пишет про часы: «Сегодня я опоздала на работу на 6 минут. Меня подвели часы. Находясь дома, я посмотрела на часы (у соседей, своих не имею)... и спокойно пошла на службу, уверенная в своевременной явке». За этот проступок был объявлен выговор с предупреждением о возможном переводе на нижеплачиваемую должность.

Весной 1943 года, как свидетельствует одна из докладных, «виду преступной халатности ночного сторожа... были вырыты и унесены три столба», а несколькими днями позже, также ночью, была сорвана и унесена большая часть библиотечного

забора. Прохладная, видно, была весна в сорок третьям...

За скучными казёнными фразами – человеческие судьбы, переживания и надежды. Взять хотя бы автобиографии наших коллег из далёкого уже прошлого. Каждая из них является пусты фрагментарным, но достоверным отражением переломного, межэпохального времени. Особенно это относится к людям зрелого возраста, ведь те, кому к началу войны было за сорок и более лет, формировались и образовывались ещё в досоветский период и пережили как минимум две революции вкупе с мировой и гражданской войнами. Вот он – стык эпох, отнюдь не безболезненный и не бескровный.

Есть в документах и автобиография Софьи Николаевны Новосёловой (Пахолковой), датированная апрелем 1937 г. Мы воспроизводим собственноручно ею подписанные (а, возможно, и напечатанные) машинописные страницы один в один, без правки, без купюр, давая возможность читателю увидеть и прочесть этот документ почти что в оригинале. Ведь это автобиография человека, стоявшего у самых истоков Пушкинки, первой заведущей библиотеки, самой первой нашей предшественницы.

Документ красноречив и, на наш взгляд, не нуждается в комментариях. Разве что в одном – скорбном. В декабре 1942 г. «по состоянию здоровья» Софья Николаевна ушла в отпуск без содержания до 15 февраля 1943 г. За два дня до его окончания она умерла...

А в т о б и о г р а ф и я

(ПАХОЛОВОЙ) НОВОСЕЛОВОЙ Софьи Николаевны бывшей Пушкинской библиотеки.

Я родилась 20/12/1870 г. в г. Петропавловске бывшей Акмолинской области. Отец мой был там врачом местного лазарета. В 1881 г. наша семья переехала в Омск, ввиду служебного перевода отца.

Здесь отец несколько лет был старшим врачом калетского корпуса, а потом главным врачом военного госпителя, где и умер в сентябре 1888 г.

Я учились в Женской гимназии и окончила полный курс с золотой медалью (7 классов без 8-го специально педагогического).

Смерть отца очень тяжело отразилась на всей последующей жизни нашей семьи, так как он, в состоянии психического расстройства, покончил собой.

Матерью мы сначала были прилично обеспечены, т.к. у нас был свой дом и все мы: мать, я, сестра и брат получали пенсии из эмиритуру. Но мать наша была очень слабого здоровья и страдала истерней, а брат был эпилептиком и мне, как старшей, пришлось в моих малых лет посвятить себя заботам об них обоих, сестра еще училась, а потом стала служить. Я же давала частные уроки и, выучившись шить, сама шила всю семью и принимала участие почти во всех общественных организациях того времени. Со временем постепенно улучшалось здоровье брата и он постепенно начал работать, а в Январе 1903 г. поступила в Зав. библиотекой бывшего общества попечения о начальном образовании, где пробыла до 1/1 1907 г., после чего перешла Заведывающей же во второй открытой Пушкинской библиотеке и оставалась там до сентября 1910 г.

Вследствие тяжелых условий работы в Пушкинской библиотеке того времени и наших семейных обстоятельств, я сама оставила эту

Автобиография Новосёловой (Пахолковой) Софьи Николаевны. 1937 г.

работу, но потом возвращалась опять сюда с 1/11/1918 г. по
15/У1-1920 г. и временно еще с 1/1 по 15/У111-1922 г.

С 1/Х-1910 г. по 30/У-1912 г. я работала машинисткой в
бывш. Войсковом Правлении, с 21/Х- 1913 г. - 21/У1-1918 г.

в Тубдиспансере, обследовательницей больных на дому.

С 15/У1-1920 г. - 1/Х-1921 г. секретарь Транспортного Отдела
Центросоюза; с 15/У111-1922 г. - 1/У1-23 г., делопроизводитель

Омской Товарной Биржи, с 18/У111-1923 - 20/Х1-1927 г. секретары

Ксеньевской артели Ирвалидов, с 3/У1-1930 г. - 9/Х1-1932 г.
стар. земрегистр. Омского Отряда Геосекции при Запсибкоммун-

хозе, с 25/Х1-1932 г. - 16/11-1934 г. библиотекарь Омского Полтехнику-

ма и с 16/11-1932 г. по настоящее время библиотекарь Пушкинской библ-

лиотеки. В промежутках были еще кратковременные работы и пол-

ный мой трудовой стаж к 1/У11 1937 г. будет 30 лет.

С 11/Х11-1936 г. я получаю пенсию по инвалидности, так как
у меня нет стажа однородной работы, чтобы получать пенсию

за выслугу лет, но многие перемены моей службы, а также и пе-

рерывы вызывались нашими семейными условиями.

В январе 1920 г. умер мой брат, а в ноябре я вышла замуж

за Новоселова Степана Антоновича, который в то время служил

начальником статистиком пожарного подотдела Оммествхоза, а потом

архивариусом от Т.К.У. я оставил службу, по сокращению шта-

та, в феврале 1924 г., а в марте 1927 г. умер от рака пече-

ни. Раньше мой муж был военным 3-го Отдела Сиб.Казачьего войска,

но вышел в отставку еще в 1908 г. С какого года он начал служ-

бу я не знаю. В августе 1926 г. после 1½ лет парничного состоя-

ния умерла моя мать и со смертью мужа мы остались вдвоем.
с сестрой бывшей учительницей.

На все указанные мною данные, у меня есть документы

как мой лично, так и моего мужа за время его последней
службы.

С. Новоселова

"27/12" 1937 г.

